

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФОКУСЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФАКТОРОВ: ДИНАМИКА, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗЫ

О.Б. Сиротинина

ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ “СВОБОДЫ” РУССКОЙ РЕЧИ И ФАКТОРЫ, ВЫЗВАВШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Саратовский государственный университет

“Освобождение” русской речи от советского новояза началось в СМИ с 1985 г., когда – неслыханное дело – в передовой статье “Правды” вместо призыва убирать *картофель* появилась обыденно близкая каждому *картошка*. Для новояза была характерна “громкая” лексика (так и писалось в учебном пособии Г.Я. Солганика для будущих журналистов [13]), официозные штампы и отсутствие живой речи (на радио и телевидении журналисты-дикторы читали чужой текст, многократно отредактированный и завизированный), любой, даже научный, текст проходил цензуру ЛИТО – живая речь была только на “кухнях”.

Годы перестройки – время появления прямого эфира, ослабления всякой цензуры (и в науке, и в СМИ, и в искусстве, в том числе словесном), но свобода слова была понята как свобода самовыражения, полная вольница: страна услышала с экранов телевидения и по радио не тщательно отредактированную, а живую речь дорвавшихся до власти далеко не всегда грамотных участников съезда народных депутатов СССР. В многочасовых трансляциях заседаний Съезда можно было услышать от выступавшего секретаря обкома *Мы хотим*, а от его оппонентов – *Зачем нам шопы какие-то, когда есть русское слово мага'зин*, в центральной газете прочитать в аналитической статье, что *середина сиганула вправо* и т.д. Борьба с официозом вылилась в четко выраженные тенденции. Одна – снижение речи ради ее снижения, причем любыми способами. Отсюда засорение официальной речи (в СМИ, на митингах и собраниях, в выступлениях на съезде) диалектизмами, жаргонизмами и просторечными словами, легализация грубой лексики включая обсценизмы. Они стали модными в СМИ, кино и театре. Их перестали стесняться. Показательный пример “борьбы”

с этим – замена в “Общей газете”, главным редактором которой был тогда Егор Яковлев, моего заголовка “Мат в художественной литературе – это преступление” на “Мат – лекарство от стресса”. В годы перестройки и первое десятилетие постсоветской России при отсутствии изданий нормативных словарей русского языка неоднократно переиздается ставший модным как источник нелитературной лексики “Словарь живого великорусского языка” В.И. Даля, выходит огромное количество словарей жаргонов и мата.

Другая тенденция – мода на все западное (поток заимствованной лексики, в том числе и без всякой на то надобности, вывески магазинчиков на иностранных языках, проникновение в рекламу латинского шрифта – *HASOS, тинейджер* вытеснило в те годы *подросток*) и даже отказ от русских традиций именования людей по имени и отчеству (появились *Михаил Горбачев, Егор Гайдар, Борис Ельцин* и обращения в официальной обстановке к человеку просто по имени (*Сергей* и даже *Сережа* – обращение к коллегам-журналистам, находящимся вне радио- или телестудии) причем часто на *ты*).

В результате к концу существования СССР (в мае 1991 г.) лингвисты уже заговорили на всесоюзной еще конференции в АН СССР “Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики” о катастрофическом положении с русским языком [5]. Разработанные предложения тогда остались не востребованными, так как СССР в конце 1991 г. распался, положение в стране было ужасным (не до русского языка, продержаться бы), и положение с речевой культурой продолжало ухудшаться.

Этому способствовали и те факты, что население воспринимало (а многие и сейчас воспринимают) СМИ как эталон правильной речи, а новые журналисты (старые умели писать новоязом, к тому же всегда в расчете на тщательное редактирование, читать, но не говорить, а понадобились раскованные “говоруны” и гоняющиеся за сенсацией репортеры) не имели ни журналистской, ни общефилологической подготовки, а часто и общекультурных навыков и знаний. В результате порча речи в СМИ все усиливалась, а народ к ней привыкал, понял, что “теперь все дозволено”: и нелитературные словечки (*намедни, по новой, шибко, посередь, навроде, прикольно, прикид – девушка в очень дорогом прикиде*), и прямой мат (его же печатают, он звучит со сцены, с экрана телевизора – значит, и мне можно так), неправильные формы слов (*ехай, проедь, должность, ложат*), и некодифицированные ударения (*вклЮчат, врУчат, ходатАйствовать, возбУждено* и т.д.).

Одновременно усиливался и поток заимствований, прежде всего из английского языка. Дело дошло до того, что на Западе появились работы,

предрекавшие полную гибель русского языка [3], всерьез обсуждался вопрос о превращении русского языка в своеобразный **РУСАЛ** [1].

О судьбе русского языка стали задумываться уже не только лингвисты, но и журналисты, деятели культуры (дискуссии на страницах газет, в телепередачах), начинают возмущаться и телезрители, читатели газет. Журналисты, фактически создавшие к концу XX в. свой тип речевой культуры – литературно-жаргонизирующий, пытаются оправдываться (“так говорит народ, а мы его зеркало”), но оказываются припертыми к стенке: в декабре 1995 г. Б.Н. Ельцин подписывает указ о создании при президенте РФ Совета по русскому языку, основной функцией которого объявлена разработка Федеральной целевой программы “Русский язык” (впоследствии Совет стал работать при Правительстве РФ – до весны 2003 г., ныне это межведомственная комиссия по русскому языку при Министерстве образования и науки РФ, ФЦП “Русский язык”, рассчитанная до 2010 г., продолжает действовать).

Разработанные Советом мероприятия, обсуждение им совместно с Государственной думой проектов Закона о государственном языке РФ (принят в апреле 2004 г.) сыграли в судьбе русского языка переломную роль: СМИ поняли, что “издеваться” над государственным языком не дозволено (в процессе обсуждения Закона их больше всего волновали штрафы), сделали ставку на журналистов со специальной подготовкой, а не электриков, лесоводов и т.д., учли уроки унижения чести и достоинства людей, приведшие к огромным материальным возмещениям по судебным искам. Мат исчез из газет, в электронных СМИ стал заглушаться свистком. В 2007 г. депутаты наконец-то задумались над необходимостью включить в регламент своей работы запрет на использование подобных слов на заседаниях Госдумы. Специальный курс “Русский язык и культура речи”, введенный в вузах страны, хоть в какой-то мере заставил молодежь задуматься, умеет ли она пользоваться своим родным языком.

Но, хотя сделано многое и результаты (по крайней мере в центральных СМИ) уже заметны, достижением является и рост изданий так необходимых нормативных словарей (толковых, орфоэпических, орфографических, даже стилистических и по культуре русской речи), учебных пособий по культуре речи и по курсу “Русский язык и культура речи”, угрозы самому существованию русского языка теперь уже нет, – почти два десятилетия “свободы” русской речи (с 1985 по 2003 гг.) оставили в нем свои следы. Изменилась, и далеко не всегда в лучшую сторону, не только русская речь, но и сам русский язык. Что же изменилось? И какие факторы вызвали эти изменения?

Наибольшие изменения произошли в речи СМИ: исчезла вседозволенность, стало значительно меньше нелитературного, полностью исключен мат, оскорбительная лексика в пределах литературного языка не ис-

ключена, но используется очень осторожно, со многими оговорками (*как кажется, думаю, как говорят, по слухам*), доказывающими, что это личное (или чье-то, но не журналиста) мнение, а не утверждение, за которым может последовать обвинение в клевете или унижении чести и достоинства подавшего судебный иск. В конце XX в. все СМИ были переполнены обвинениями (часто голословными) и разоблачениями. Вспомним, например, разоблачительные тирады С.Доренко или высказывания типа *Президент тянет резину* (КП 10.09.98); *Вынужденный опираться на Думу, Примаков собирает правительство, при котором надо будет ставить сторожа к каждой лампочке; правительство непрофессиональное, бестолковое правительство; бездарное правительство* (МК 16.09.98) – все эти обвинения были адресованы правительству, еще даже не начавшему работать!!!

Теперь в СМИ прежде всего думают о том, чтобы не нарушить Закон о средствах массовой информации, предусматривающий ответственность за оскорбления и клевету (что не означает полного отсутствия в СМИ заказных разоблачений, но в своей критике журналисты стали гораздо осторожнее не только в самой критике чего-либо, но и в использовании в этой критике грубых слов).

Вновь стали использоваться вышедшие в конце XX в. из употребления в СМИ литературные слова *недавно, снова, опять, вновь* (было только *по новой*), *очень* (а не *шибко*), исчезли *промеж, навроде, посередь*, возродилось русское слово *подросток*, но до сих пор активно нелитературное *аккурат* (вместо *как раз, точно в этот день, час*); *аж* (особенно в сообщениях о погоде). Многие жаргонизмы вошли в состав разговорных словечек литературного языка (*тусовка, крутой, беспредел*), вероятно, так следует уже относиться к существительному *крыша* и даже глаголу *крышевать*, возможно, так же следует воспринимать и употребление *прикольно, прикольный* (но это уже изменения и в языке – о чем ниже), фактически стали сниженно-разговорными заменители мата (*ё-моё, блин*).

Однако наряду с явным очищением речи в СМИ наблюдаются и продолжающиеся процессы насыщения языка СМИ не только необходимыми заимствованиями. Естественная потребность в номинации новых профессий порождает заполнение “лакун” в соответствующих системах уже существующими возможностями других языков (*шопер* – тот, кто помогает покупателям ориентироваться в лабиринтах супермаркетов и в изобилии товаров, *маркетолог* – специалист в области рыночных отношений, *брокер* – профессиональный посредник между покупателем и продавцом в игре на бирже, *дилер* – человек, самостоятельно осуществляющий покупки / продажи своих акций на бирже, *омбудсмен* – официальный профессиональный правозащитник, *провайдер* – организация, фирма, профессионально осуществляющие пользователям доступ к Интернету и другим электронным ин-

формационным системам и т.д.). Заимствовать проще, чем создавать новую номинацию на базе своего языка, целесообразнее в условиях мировой глобализации, но при этом всегда есть опасность ложной народной этимологии (*прАвОтизации* – поскольку *приватизация* – получение права собственности), непонимание (*шопер* – продавец или покупатель), явно недопустимое употребление (*катаклизм* – об автоаварии и т.д., см. об этом [9, 11, 12]).

Тем не менее с увеличением количества журналистов, получивших хорошую подготовку, владеющих возможностями языка, СМИ все чаще **включают** заимствованную лексику именно в систему русского языка (в частности, уже явно освоены чужие словообразовательные элементы *ер* – для номинаций *лиц* и *инг* – для номинаций процессов (не только *шопинг* – сам процесс посещения магазинов и осуществление покупок, но и *маркетинг* – отдел *маркетинга*, т.е. отдел, ведающий процессом купли / продажи чего-либо; *мониторинг*, *лифтинг* – косметическая процедура и даже *банкинг* – осуществление банковских операций, *хакинг* – деятельность хакеров, *джипинг* – проезд на джипе через лед лимана).

Вхождение в обиход новых заимствований позволяет использовать их наряду с более старыми и русскими для передачи разных оттенков значения: *профессионал* и *мастер*, *киллер* – *палач* – *убийца* (см. об этом [2]), – в том числе не только когнитивных, но и ассоциативных коннотаций (см., например, *риэлтор* – официальная номинация профессии посредника при купле/продаже недвижимости и старое заимствование *маклер*, который обозначает не только любого посредника между покупателем и продавцом, но и коннотацию ловкача, обводящего клиента вокруг пальца, обманщика). Именно в том числе и поэтому потребовалось новое заимствование с еще не сложившейся негативной коннотацией.

Недостаточное владение литературным русским языком все еще остается бедой (и виной) наших СМИ (все ещё встречаются неправильные ударения, формы, неправомерные в когнитивном или стилистическом, да и культурно-речевом аспекте словоупотребление и словорасположение), а на их речь как на эталон до сих пор ориентируется большинство населения.

В речи этого большинства, особенно в речи молодежи, закрепились все “трехи” СМИ 90-х годов, речь очень агрессивна, в ней много грубой лексики, повсеместно даже из уст девушек звучит мат. В 90-е гг. выпущенный из бутылки, он затем был изгнан из СМИ, но табу на него в сознании населения не возобновилось. И если во времена Н.С. Хрущева сельский возница предлагал женщине, которую он подвозил, заткнуть уши, “а то лошадь не пойдет”, то теперь депутат областной думы во время митинга использует мат в адрес своего оппонента – женщины намного старше его, ветерана Отечественной войны, а оправдываясь в суде, заявляет: “Друзья могут подтвердить, что у меня каждое второе слово такое”. Не случай-

но депутаты Госдумы в течение 7 лет, обсуждая проекты Закона о государственном языке РФ, утверждали, что обходиться без мата не могут.

Пожалуй, самое ужасное то, что грубость и агрессивные конфликто-гены не только не приводят к конфликтам среди молодежи, но даже не замечаются ни тем, кто их употребляет, ни теми, кому адресованы. В других возрастных группах они нередкий источник конфликтов (в транспорте, магазинах, на улице, в семье). Записи разговорной речи (их корпус на кафедре русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета начал собираться в 60-е годы XX в.) наглядно свидетельствуют о значительно большей ее огрубленности в XXI в. по сравнению с полувековой давностью.

Вторая беда современной речи населения – ее зависимость от штампов СМИ и рекламы. Особенно влияет телевидение: многие телевизор не выключают весь день или включают, как только входят в дом. В мозгу таких людей прочно закрепляются рекламные слоганы: *два в одном, в одном флаконе, ведь я этого достойна* и т.д., которые используются и к месту, и не

к месту, иногда даже в официальной речи. В рекламе слоганы обновляются, а в речи населения живут десятилетиями (*Я не халявщик, я партнер; Мы сидим, а денежки идут* закрепились во времена МММ, но встречаются до сих пор). Штампы легко воспроизводятся, не требуют обдумывания.

Фактически такая же штамповочность речи отразилась в использовании слов-паразитов. От бездумного их употребления становятся назойливо лишними не только пресловутое *как бы*, утратившее значение сигнала не-точности выбранного слова (*Мне это как бы нравится, Я как бы согласен*), но и “модные” книжные словечки *абсолютно, конкретно, короче* (*Я короче приехал в Москву короче; Ледяные фигуры растаяли конкретно*). Утрачивает свое значение слово *достаточно*, все шире распространяется его употребление вместо *довольно, относительно* (*Разногласий, конечно, достаточно* (для чего?) – вместо *довольно/относительно много; Езжу я туда достаточно редко* и т.д.).

Поддержанные авторитетом СМИ, эти неправомерные употребления прочно застревают в сознании населения как вполне допустимые. Аналогично обстоит дело с неправильно образованными формами при склонении числительных (на письме они, как правило, обозначены только цифрами, а в произношении за редчайшим исключением ошибочны: *до трехста, с пятиста тысячами, до двухтысячи восьмого года* и т.д.).

Таким образом, следствием длительной “свободы” речи стало ее огрубление, стилистическое снижение в целом, усиление штампованности, ослабление самоконтроля за речью, сдвиги в ориентирах языковых ценностей (эталонов речи), в соотношении типов речевой культуры. На последнем следствии остановимся чуть подробнее.

Можно с большой долей уверенности предполагать, что основные типы речевой культуры россиян в течение столетий не менялись. Тип речевой культуры человека тесно связан с уровнем его общей культуры, но проявляет себя прежде всего в его отношении к языку (уровень знаний и умения ими пользоваться, наличие или отсутствие стремления к их расширению, привычки проверять себя). Это тип культуры, а не самой речи, не ее манеры (см. противоположное мнение в [4]). Исходя из такого понимания в России была истинная элита общества – носители полнофункционального типа речевой культуры (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и другие великие писатели, знаменитые адвокаты и прокуроры, речи которых в суде приходили слушать), значительно более широк круг носителей неполнофункционального типа (писатели меньшего таланта, учителя и другие культурные люди, владеющие, хотя и не в такой уже полноте возможностями языка), еще шире круг носителей среднелитературного типа (большинство образованных людей с излишней самоуверенностью в своих знаниях). Есть и обиходный тип (владение только обиходной разновидностью литературного языка при неумении строить монолог в официальной обстановке, беспомощность при необходимости строить письменный текст).

За пределами литературного языка были просторечный тип необразованных горожан; арготический – ремесленников и криминальных элементов, ради конспирации искажающих звучание и значение слов русского языка; народно-речевой у носителей территориальных диалектов.

В конце XX в. в этой системе появились изменения: носители среднелитературного типа получили доступ в СМИ и, сдвинув границы эталона хорошей речи, попытались создать особый литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры, характерной чертой которого стало снижение речи любыми способами ради самого снижения. Этот принцип заразил даже журналистов более высоких типов речевой культуры (если не полнофункционального, то уж неполнофункционального безусловно: Е.А. Киселев, В.В. Познер, С.И. Сорокина и др.) начали включать в свою публичную речь такие, например, нелитературные элементы как *ни фига себе*, *на фига это нужно* (Е.А. Киселев), даже *на хрена*, *к чертовой матери* (А. Караулов) и т.д., начали извиняться “за слишком высокий стиль”, “за громкие слова”.

С принятием Закона о государственном языке РФ, в котором четко прописано, что им является только литературный русский язык и что именно он должен использоваться в СМИ, этот тип речевой культуры “увял, не успев расцвести”, но, к сожалению, пустил свои корни в сознание россиян, следствием чего и явилось общее огрубление русской речи. В результате уже не среди журналистов, а в речи населения, и прежде всего молодежи, возможно, начал формироваться новый, уже не литературно-

жаргонизирующий, а жаргонный или сленговый тип речевой культуры, допускающий использование ради экспрессии жаргонизмов вместо литературных слов. В основном он “работает” только в неофициальной сфере общения.

Но есть и еще одно следствие: десятилетие “свободы” речи и допуск в СМИ носителей среднелитературного типа речевой культуры привели к размыванию границ функциональных стилей из-за невладения большинством населения функционально-стилевой дифференциацией литературного языка, (подробнее об этом см. [10]). В результате В.Г. Костомаров считает возможным говорить уже не о функциональных стилях, а о группах текстов, формирующихся под действием конструктивно-стилевых векторов (КСВ) в определенной сфере и среде общения [6]. Такой размытости границ функциональных стилей до конца XX в. тоже не было, но как эталон функционально-стилевая дифференциация в сознании носителей полнофункционального типа речевой культуры существует и сейчас. И именно это создает те КСВ, о которых говорит В.Г. Костомаров: требования к документу и к разговорной речи, к тексту научной статьи и газетной не могут быть размыты никогда.

Самое опасное в современном состоянии русской речи – признаки обеднения возможностей русского языка из-за ошибочного отождествления значений слов, расширения диффузности этих значений в ущерб точности передаваемой информации. Меньшее зло – широкое распространение неправильных форм и ударений, что может привести к их последующей кодификации. Но это изменение норм культуры речи – их русский язык пережил уже не мало (произношение *С* мягкого в возвратных аффиксах, *А* в безударных слогах после шипящих – *ш[a]ры*, *ш[a]ги*, кодифицированная допустимость некоторых ударений и т.д.).

Многие изменения в речи вызвали уже изменения и в самом языке. Сам факт изменения естествен и неизбежен: любой язык живет и, следовательно, изменяется, пока жив народ, говорящий на этом языке. Важно, какие это изменения, не затрагивают ли они самой сути языка как средства общения, передачи информации. Если в силу каких-то изменений язык обогащается, его возможности точной передачи информации об окружающем нас мире увеличиваются – язык развивается; если уменьшаются – деградирует.

Один из ведущих специалистов в области изучения словообразовательных возможностей русского языка Р.И. Розина доказала, что в сленге при всей его экспрессивности происходит по сравнению с возможностями литературного языка обеднение (меньшее разнообразие переносных значений, узкая область их семантики – только негативная, низменная) [7]). В этом и состоит опасность распространения сленгового типа речевой культуры для языка, а ее элементы уже проникают в официальную пуб-

личную речь (так, на одной из пресс-конференций А. Шохина – несомненно высококультурного человека – уже прозвучали *разборки, нас/вас разводят*). В употреблении этих слов, ставших уже всем понятными и точными (хотя одновременно диффузными по своему значению), ничего страшного нет (страшно само явление). Но всегда ли целесообразно их использование вместо литературных (а не жаргонных) *выяснение отношений, обманывают* с возможностью уточнения (между кем и кем, в чем именно и т.д.). При несомненной уже допустимости подобных словечек общего жаргона – кратко и экспрессивно обозначающих факт, они не должны заменять собой официальные номинации в законах, постановлениях, думается, что и в выступлениях в СМИ юридически ответственных лиц (прокуроров, рассказывающих о возможных версиях того или иного преступления).

Само включение в лексическую систему литературного русского языка каких-либо (в том числе и выше приведенных) словечек из общего жаргона – обогащение языка, расширение его хотя бы стилистических (в других случаях и когнитивных) возможностей, замена (подмена) литературных слов на жаргонно-обиходные – обеднение, деградация языка.

В этой связи моя оценка подмены литературных слов *хороший, интересный, замечательный, нарядный, дорогой, обращающий на себя внимание, яркий, привлекательный* (ряд не закрыт) одним диффузным словечком *прикольный* (*девушка в прикольном наряде, я прикольная, прикольный поступок* и т.д.) – негативная: подмена язык обедняет.

Как уже говорилось, обеднение языка происходит и при ошибочном употреблении слова, если оно, прозвучавшее с экрана или напечатанное в газете, подхватывается массами. Так, *собачий раут* (вместо *ритуал*) остался ошибкой журналиста, а неправильное отождествление слова *нелицеприятный* с *неприятным* стало широко использоваться в СМИ и населением, что грозит обеднением языка. Как это ни дико, все чаще встречается путаница *предков* и *потомков*. Когда-то ошибочное сближение глаголов *довлеть* и *давить* стало уже фактом языка.

В развитии языка очень часто действуют разнонаправленные тенденции. И если в XIX-XX вв. победила тенденция коннотативно-семантического разведения глаголов *удивиться* и *изумиться* (см. в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой различия в примерах на эти глаголы и соответствующие существительные: *удивляться* плохому, *изумляться* хорошим), то, начиная с конца XX в., явно возрождается их отождествление (см. [9]). Развитие языка идет неравномерно и нередко разнонаправленно, а не прямолинейно.

Поэтому и сейчас наряду с фактами обеднения языка заметны факты его явного обогащения (пополнение лексикона за счет новых заимствований, развитие новых коннотаций, увеличение состава синонимических рядов и углубление различий внутри них (см. об этом выше)).

Все эти процессы – результат действия часто одних и тех же факторов: фактора разрешенной свободы русской речи и фактора влияния речи в СМИ. Оба эти фактора привели и к обеднению, и к обогащению русского языка начала XXI в., пожалуй, в равной степени. Но только негативно воздействует на язык реклама, навязывая готовые штампы.

Весьма значим фактор образования. Чем лучше его качество, тем выше уровень речевой культуры образованных людей. И очень большую роль играет фактор УЧИТЕЛЯ, как школьного, вузовского, так и более обобщенного – учителя жизни (в данном аспекте – речевой жизни): это и уровень речевой культуры любимых актеров, певцов, спортсменов, и руководителей (страны, области, организации), и просто уважаемых людей: родителей, друзей, знакомых. Основы речевой культуры закладываются в семье, поддерживаются в школе, вузе, на работе, а больше всего тип речевой культуры зависит от самого человека, его самоуверенного равнодушия к языку или реализуемого им стремления повысить свой уровень речевой культуры.

Таким образом, можно говорить и о факторе журналиста (через СМИ), учителя, семьи, окружения, профессии человека (подробнее см. [8]), и – главное – от его личностных качеств. Получается, что, в конечном счете, судьба русского языка зависит от каждого из нас.

Библиографический список

1. Данн, Дж. О функциях <<английского>> в современном русском языке / Дж. Данн // *Russistik* (Берлин), 1998. – № ½. – С. 27-36.
2. Дементьев, В.В. Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации / В.В. Дементьев. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 42-61.
3. Дуличенко, А.Д. Русский язык конца XX столетия / А.Д. Дуличенко. – Munghen, 1994. – 347 с.
4. Дымарский, М.Я. Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) / М.Я. Дымарский // *Русский язык сегодня*. – 2007. – №4. – С. 173-186.
5. Караулов, Ю.Н. О состоянии русского языка современности (доклад и материалы почтовой дискуссии) / Ю.Н. Караулов. – М., 1991. – 66 с.
6. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
7. Розина, Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге / Р.И. Розина. – М.: Азбуковник, 2005. – 302 с.
8. Сиротинина, О.Б. Типы речевых культур в профессиональной деятельности человека (роль социальной активности личности в формировании типа речевой культуры) / О.Б. Сиротинина // *Язык и власть*. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2005. – С. 3-12.

9. Сиротинина, О.Б. Реальное функционирование русского языка в его отношении к типам речевой культуры / О.Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2006. – Вып. 5. – С. 6-16.
10. Сиротинина, О.Б. Стилистика в свете типов речевой культуры / О.Б. Сиротинина // Stylistyka-XIV (Польша), 2005. – С. 209-218.
11. Сиротинина, О.Б. Что происходит с русским языком // Проблемы речевой коммуникации / О.Б. Сиротинина. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2006. – Вып. 6. – С. 5-14.
12. Сиротинина, О.Б. Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI в. / О.Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 29-42.
13. Солганик, Г.Я. Лексика газеты / Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.

Е.С. Скобликова

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Самарский государственный университет

Изучение орфографии – первый шаг в овладении навыками письменной речи. В дальнейшем же на протяжении всей жизни уровень владения этими навыками остаётся одним из показателей общей культуры человека, немаловажным для его имиджа.

Естественно, что усвоение орфографических навыков осуществляется через разные каналы, в том числе через зрительное восприятие правописания языковых единиц, чему в русском письме способствует его морфологический принцип. Лингвистическое же осмысление достигается школьным обучением, обращением к справочной литературе. Специальные знания призваны обеспечивать не только навыки правильного письма, но (как и в любой другой области культуры) и умение сознательно, аналитически оценивать орфографические нормы письменной речи.

К сожалению, вместе с несомненным прогрессом, связанным с установкой на коммуникативную направленность современного школьного обучения русскому языку, выразившуюся в широком включении в школьные учебники теоретических и практических речеведческих материалов, заметно снизилось внимание к материалам орфографическим и даже собственно грамматическим.

Сведения по орфографии часто оказываются обеднёнными, не имеющими объяснительного характера. Нередко они сопровождаются единичными примерами, не обеспечивающими наглядного представления о той